

вдруг исчезает]. Видение исчезло, но Савелий чувствует [как], что его схватывают за локти незримые руки и трясут, и рвут, и бросают, а в [самые] уши ему нестерпимо громко и вовсе нескладно Аввакум орет: „Ах, ты поп, поп, поп, тараканный лоб, поп, поп...“».

Идет описание грозы, а затем: «Савелий опять слышит, что над ним стал Аввакум, он теперь кроток и тих... Он видит, что Аввакум осеняет его и [читает] шепчет: „Иже любит отца или мать паче [меня] его, несть [меня] его достоин. Иже лукави суть и иже единому [человеку] умерети за люди. Не пещыся об утреннем—утренняя бо сама собой печется. [В] а в ночь сию могут истезать [из тебя] душу твою [и что приобретаешь]? Имей веру с зерно горчичное и... Встань и смотри! Встань и смотри...“ — слышит настойчиво Туберозов. „Послушаю и встану“, — подумал он и [Туберозов тихо] восклонился [главой от земли в то же мгновение]. Перед ним стоял темный ствол дуба и среди его искра. [Эта странная искра блестя] белым ослепляющим светом [блеснула звездчатая искра; свернулась] выросла в ком и исчезла. В воздухе грянуло страшное бббах — это за неимением лучшего сравнения удар гигантским пестом по дну опрокинутого гигантского таза, оглушительно брэнчащий удар без раската: Савелий упал, и ему почудилось, что с ним падает все. [Но вот]. Так прошло с четверть часа, и вот вдали покатило тяжело и неспешно... тра-та-тату-у-хо... и [вверху пронеслось: «Порадейте, друзья, порадейте, за матушку Русь порадейте»]. [Все] все стихло».³

Характерно, что в приведенных В. Гебель отрывках Лесков тщательно воспроизводит стилистику «Жития» Аввакума, воссоздавая, следовательно, не только образ мятежного протопопа, но и самый склад его речи.

Однако в окончательном тексте «Соборян» («Русский вестник», 1872, апрель—июль) уже не осталось никаких прямых упоминаний об Аввакуме или цитат из его произведений.

Сцена грозы в «Соборянах» имеет символическое значение. После нее Туберозов принимает окончательное решение выступить на борьбу. Почему же Лесков убрал Аввакума из этого эпизода своей хроники и вообще из текста «Соборян»? Никаких указаний на цензурное вмешательство у нас нет, и, более того, нет оснований думать, что именно образ Аввакума мог встретить цензурные препятствия.

Решение этого вопроса может указать путь к решению общей проблемы отношения Лескова к Аввакуму.

Серьезный интерес к расколу возник у Лескова в начале 1860-х годов. В книге «С людьми древнего благочестия» (СПб., 1863) он пишет уже о спорах между сторонниками взглядов на раскол П. И. Мельникова и А. Шапова как человек, хорошо в этих спорах разбирающийся.

Несомненно, что к этому времени он был знаком и с «Житием» Аввакума, изданным Н. С. Тихонравовым в 1862 г. Сам Лесков не разделял взглядов А. Шапова на раскол как на народное движение, в котором только форма была религиозной, а реальное историческое содержание представляло собой протест масс против усиливающегося самодержавного гнета.

Из собственного изучения раскола,⁴ предпринятого по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина в 1863 г., Лесков вынес убеждение в том, что раскол пережил себя и что дело времени и просвещения свести на нет религиозную распрю в России. Поэтому в его романе-хронике «Чающие движения воды» с таким сочувствием изобра-

³ Валентина Гебель. Н. Л. Лесков, стр. 135—136.

⁴ См. в кн.: Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954, стр. 171—175.